

9(С124)
A-65
357101 K

Л. И. Андреевский.

ИСТОРИК

АЛЕКСАНДР ЕВГРАФОВИЧ
МЕРЦАЛОВ

(Отдельн. оттиск из журн. „Север“, кн. II).

Отдельные оттиски
отпечатаны
в Типогр. Северосоюза
в Вологде.
в количестве 100 экз.

Историк А. Е. Мерцалов.

Л. И. Андреевский.

За последнее десятилетие у нас заметно повысился интерес к прошлому; мы начали мало-по-малу открывать Россию, находить себя и раскрывать преемственность своей культуры. Разного рода воспоминания, дневники, хроники, описания усадеб, монастырей, книгохранилищ, биографии отдельных лиц и т. д. стали пользоваться повышенным спросом со стороны широкого читателя. Но все же сделано еще далеко не все, и мы мало знаем о жизни и работе многих культурных работников, рассеянных зачастую по довольно глухим краям нашей родины, ее изучению посвятивших всю свою жизнь, потрудившихся не без пользы и теперь достаточно забытых.

Как-то особенно не посчастливилось в этом отношении вологжанам-краоведам. Их работы зачастую скрупулезные и специальные, незначительные по объему, рассыпаны в разных случайных сборниках и журналах, в номерах периодической прессы вроде губернских и епархиальных ведомостей, которые вряд-ли попадут под руку рядовому читателю, а некрологи обычно содержат лишь краткие сведения с датами рождения и смерти, указанием, где учился и служил, да обычно названиями некоторых трудов краоведа, показавшихся автору некролога наиболее важными. Лишь небольшая, притом неоконченная, и сделавшаяся библиографической редкостью, книжка П. А. Дилакторского „Вологжане-писатели“ дает некоторый, очень скудный биографический материал и то не для всех краеведов, да историко-литературные очерки М. Н. Швецова—„Из прошлого“ рисуют в сжатых чертах жизнь некоторых писателей из вологжан.

При таких условиях, может быть, не бесполезно поделиться с читателем некоторыми сведениями о работе и жизни одного из печальников северной старины, местного историка, Александра Евграфовича Мерцалова. Еще в 1916 г. историко-археологическая комиссия Вологод. Общества Изучения Северного Края постановила поручить своим сотрудникам разработку документов архива А. Е. Мерцалова. Дело это, однако, по разным причинам не могло быть выполнено. Теперь после произведенной мною разработки названного архива, хранящегося в Музее Вологод. Об-ва Изуч. Сев. Края, на основании изустных рассказов лиц знавших А. Е. Мерцалова и, наконец, на основании переписки и документов, любезно доставленных на пополнение архива родствен-

ницей покойного историка Л. Н. Прозоровой, возможно дать материал для биографии А. Е. Мерцалова. Вместе с тем, останавливаясь может быть дольше, чем следует, на жизни деда и отца историка, мы старались проследить жизнь трех поколений одной средней помещицкой семьи из Кадниковского уезда Вологодской губернии,

Род Мерцаловых происходит из Орловской губернии. Родоначальник вологодских помещиков Мерцаловых, губернский секретарь Яков Мерцалов, был орловским уроженцем и в имени сына своего, Ивана Яковлевича (деда нашего историка), в Кадниковском уезде, Заднесельской вол., в селе Радилове не бывал. Туда наезжала несколько раз лишь жена его, Марья Петровна, о которой рассказывали, что она вела полумонашескую жизнь, постоянно путешествуя по монастырям и святым местам.

Дед-же историка, тит. сов. Иван Яковлевич Мерцалов, записанный 46-ти лет от роду в исповедную ведомость 1819 года при Космо-Дамиановской Кихтенской церкви, Кадниковского уезда, служил сначала в лейб-гвардейском Измайловском полку, откуда вышел в 1796 г. Затем, перейдя в гражданскую службу, он был дворянским заседателем в г. Никольске и ушел в отставку с чином титулярн. советника. Позже, но когда именно неизвестно, он содержал винные откупа в Архангельской губ., в гор. Шенкурске с уездом, и купил в Кадниковском уезде, Вологодской губ. имение—деревни Дружинино и Межу речье, Азлецкой вол., с 50-ю душами крепостных, да в Пустораменской вол. того же уезда село Новое, на берегу реки Кубины. Здесь он начал было устраиваться для хозяйства, но вскоре продал село Новое помещику Мятлеву, приобретая по купчим 7 марта 1813 г. ¹⁾ у помещицы Бердяевой в Заднесельской вол., Кадниковского уезда, с Радилово²⁾ с деревнями Холуй, Палково, Яковчиково и Лисья Гора, с 48-ю душами, за 16,650 руб. Из села Нового им были перевезены и некоторые хозяйственные постройки. Характера Иван Яковлевич был крутого, сурового, но по словам старожил, — человек справедливый и отличный хозяин. Жизнь он вел открытую, и хотя особенным богатством не отличался, на праздниках у него бывало пол-уезда гостей. Женат он был на Феодоре Петровне, урожденной Эндоуровой, из помещицкой семьи Пошехонского уезда, Ярославской губ., — женщине доброй, приветливой и любимой крестьянами.

Хозяйство в Радилове вместе с Холуями, было, если не большое, то все же значительное. В одной хозяйственной меже находилось до 162 десят. прекрасной земли, да в приселке Палково—около 70 десят; ежегодный же доход И. Я. Мерцалова определялся примерно в 7000 р. ассигнациями. По меже, охватывавшей сельцо Радилово и Холуй, был выкопан значительный ров, отделявший эти земли от соседних владельцев, и вдоль него шла красивая березовая аллея, по которой помещик ежедневно объезжал свои владения, и остатки которой видел

1) См. Вотчин. Кн. Вологод. Пал. Гражданск. Суда, 1813 и 1814 гг., лист 44, №№ 37 и 38.

2) Обзорение Заднесельской вол. с 1628 г. и материал к родословной Еропкиных, владевших в XVII в. Радиловым, даны А. Е. Мерцаловым в отдельных статьях. См. список его работ.

пишущий эти строки, проживая в Радилове в 1910 и 1912 гг. По сведениям „хозяйственной погодной записной книжки И. Я. Мерцалова“, количество и род высеваемого им хлеба составляли следующие величины:

	В 1812 г.	В 1813 г.	В 1819 г.	1822 г.
Рожь озим.	15 чтв. 3 чтр.	16 чтв. 0 чтр.	24 чтв. 0 чтр.	28 ⁶ / ₈ чтв.
„ яровая	2 „ 2 „	1 „ 0 „	— „ — „	— „
Овес	25 „ 4 „	— „ — „	30 „ 4 „	51 ¹ / ₃ „
Пшеница	1 „ 0 „	2 „ — „	6 „ 4 „	3 ⁶ / ₈ „
Ячмень	3 „ 4 „	2 „ — „	9 „ — „	5 ¹ / ₈ „
Горох	1 „ 2 „	— „ 4 „	— „ — „	— „
Полба	2 „ 0 „	— „ — „	— „ — „	— „
Лен	? „ ? „	— „ 5 „	— „ — „	— „

Землю у него обрабатывали крестьяне, находившиеся „на издельи“, т. е. барщинные. Повидимому было и несколько душ крепостных на оброке в дер. Межуречье, Азлецкой волости, так как для 20-х годов прошл. века сохранилась запись о взносе оброка и „о имении крестьян, в Межуречье оставленных“.

Издельные крестьяне помимо барщины обязаны были доставлять ягоды и рыжики, кто—пол-решета, кто—решето, а кто—и два; доставлялось крестьянами и полотно. По записи 1813 года издельные бабы выткали в 16 берд немытой пряжи по 17 арш. каждая. Работе издельных И. Я. Мерцалов не особенно доверял, и сам за ней присматривал. В 1812 г. он отмечает, что „издельные молотьбу производили без присмотру своего; не просушивая настоящим образом овина, вымолачивали с овина овса по 2 четверти, под надзором и хорошей сушкой по 6 четвертей 6 четвериков с одного овина, и прочий хлеб ими молочен весьма худо и много сделали убытку“¹⁾.

Скота у помещика было в 1814 г. коров новотельных 19, старых дойных 4, недойных 29, телок 11, быков порозов 2, овец старых 11, осенних баранов 3, ярушек 2 и старый баран. Масла русского в этом году было продано 28 п. 32 ф. по 14 руб. за пуд, дер. Митяково, крестьянину помещика Волкова Петру Ларионову. Избыток хлеба продавался обычно на ближайший винный завод. В посеве были рожь обыкновенная, ваза, ячмень простой, английский и голый; овес и пшеница сеялись простые. Что касается урожаев, то можно было установить в „самах“ для 1819 и 1822 гг. следующие величины:

	1819 г.	1822 г.
Рожь	5,04	3,04
Ячмень	4,0	7,05
Пшеница	4,8	3,6
Овес	2,6	3,7

Таким образом можно думать, что хозяйство И. Я. Мерцалова было для местной полосы хозяйством среднего достатка. Усердно работая над хозяйством, Мерцалов „привел сельцо Радилово в наилучший порядок и совершенное устройство“, возбужив этим зависть со стороны прежней владелицы, пом. Бердяевой. На этой почве в 1816 г.

1) Интересное свидетельство о малой продуктивности труда крепостных.

возникло одно крупное и любопытное дело. Скот соседних, Бердяевских крестьян, произвел у него потраву и был загнан на скотный двор в Радилово. Крестьяне, человек 18-ть, пошли отбирать назад свой скот; произошла стычка, во время которой у И. Я. Мерцалова оказалась переломлена левая рука ниже локтя, голова разбита и „во всем теле смертельная боль“. Дворовые люди Мерцалова подняли тревогу колокольным звоном Кихтенской церкви, а нападавшие крестьяне, опасаясь, „дабы их не могли захватить, вылома ворота скотного двора“, выгнали через лежащего без чувств помещика свой скот, оставив впопыхах лишь 5 своих лошадей, и ушли за речку Кихть на свою землю. Приехал Кадниковский заседатель Дубровский расследовать дело, но не к Мерцалову, а в село Поповское г-жи Бердяевой, где переночевал, а затем с Бердяевскими крестьянами прибыл в Радилово, отобрал оставшихся 5 лошадей, и уехал. На другой день заседатель опять приехал, предложил краткие опросные пункты избитому, но свидетельствование о положении больного написать воспретил, акта потравы не составил, а получив из Поповского в подарок что-то завернутое в салфетку, уехал обратно. Мерцалов, конечно, просил о замене Дубровского другим заседателем. И от кадниковского земского суда, распоряжением заседателя Семерикова был послан унтер-офицер Гаврилов с 3-мя понятами крестьянами. Но и эти представители власти лишь делали „насмешки; довольствуясь же сею их слабостью крестьяне понатые входили в недовольный им сюжет“.

После долгих мытарств и допросов чиновники „из висевших на стене в спальне ружей, английское, стоящее по цене 250 руб., ружье сняли и уехали со оным в дер. Кузнецово, которое и поныне у них“. Жалуется Мерцалов вологодскому губернатору Винтеру¹⁾. Крестьян, свидетелей со стороны Мерцалова водили к допросу под присмотром и „держаны были за караулом более суток, а некоторые устраиваны сажанием в клевы“, а староста Р. Иванов—в колодку, и отобраны были шляпы, рукавицы и платки, и едва-ли оные им возвращены“. Чем закончилось это колоритное с бытовой стороны дело, неизвестно. Но как это дело, так и заметки по нему И. Я. Мерцалова помогают обнаружить будничные условия довольно темной и грубой жизни среднего дворянства в начале 19-го века.

Холера 1831 года, в феврале, свела в могилу Феодору Петровну, а в мае того же года от паралича умер и сам Иван Яковлевич. После него остались сыновья Николай и Евграф, и дочери Елизавета и Вера. Николай, получивший образование во втором кадетском корпусе, служил в 8-м егерском полку на Кавказе до 1822 года, а затем был помощником надзирателя до казенному питейному сбору в гор. Кадникове и Устюге. Евграф (отец историка), родился в январе 1807 года в гор. Никольске и получил лишь домашнее образование. Как и брат, он также нес военную службу, состоя в Московском пехотном полку. Находясь на Кавказе в постоянных походах против горцев, он долго не писал родным, так что его не считали уже в живых и, будто-бы, все его имение по завещанию Ивана Яковлевича передавалось брату Николаю. Последний умер в 1832 году, и в промежуток времени меж-

1) Тому самому, который был впоследствии под судом Сената, а затем оказался чуть-ли не уличным музыкантом в Петербурге. О Винтере есть упоминание в янв. книжке „Русск. Стар.“ за 1903 г., в статье—„Перед Отечественной войной“.

ду 1832 и 1842 годами за малолетством сына Николая Ивановича, Николая Николаевича, и отсутствием Евграфа Ивановича имение находилось в опекуном управлении. Для Радилова это было печальное время: оно управлялось приказчиком, а приказчик этот и опекуны, не радея о хозяйстве, тащили, что могли, особенно, что получше, из движимости. По возвращении к родным пенатам Евграф Иванович постарался устроиться на службу и был брандмейстером в Ростове Ярославск. губ., по выборам дворянства попечителем хлебных запасных магазинов и опекуном дворянских имений. Всей службы его было более 20 лет; к чиnam он не представлялся по нежеланию платить за них, а по службе на Кавказе имел право на кавказский крест. Не дешево стоило ему выхлопотать отцовское наследство в виду помянутого завещания, так как опекун над имением малолетнего Николая Николаевича, некто Головин, оспаривал право Евграфа Ивановича на наследство. Однако, в конце концов, последнему удалось получить свою наследственную часть. Имение к этому времени было обессилено разделом и опекуном управлением. Из отдельного акта 1842 года видно, что колл. регистратор, Евграф Иванович получил на свою долю половину селца Радилова и 19 душ крестьян в деревнях Лисьей Горе и Дружинине, племянник его Николай—32 души в деревнях Дружинине и Межуречье; имение же бабушки Феодоры Петровны по ее духовному завещанию поступило дочерям и, как видно из отдельной записи между ними 1834 года, Елизавете досталось с. Палково и 15 душ в дер. Яковчикове, а Вере—с. Холуй и 14 душ в Лисьей Горе. Из описи Радилова при сдаче имения Евграфу Ивановичу от опеки мы знаем, что всей земли было 61 дес. 492 саж., дом стоял деревянный двух-этажный, мерой по лицу и вдоль 6 саж. 2 арш., в коем было вверху—7, а внизу с подвалами 5 покоев. Кроме того имелся флигель для дворовых людей, два хлебных амбара, погреб с сушилом, каретник и конюшня, скотный двор, изба для скотника и погреб, овин с гуменником и две бани, господская и людская. Все постройки были деревянные, незатейливые, крытые тесом. Вблизи от дома на речке Яхренге находилась и мукомольная о двух поставах мельница. Скота имелось—пара лошадей, 14 дойных коров и 1 бык; корма для скота было 875 пудов сена, ржаной соломы 9 овинов, яшной—2 и овсяной—6. Хлеба оказалось на лицо: ржи 187 четверт., овса 19 четв., ячменя 6 $\frac{1}{2}$ четв. и семени льняного 1 четверик. Новый владелец в 1843 году заложил это имение в казну за 1140 руб. и при незавидной своей службе, конечно, должен был жить очень скромно. Женился он на девице из крестьян, Пелагии Никифоровне, родившейся в 1812 году, очень умной и необыкновенно энергичной женщине. Брак был совершен на Кихти 19 янв. 1847 года. Благодаря труду и заботам жены, а также службе Евграфа Ивановича, семья историка жила все же безбедно и даже увеличивала немного свое имение покупкой крестьян¹⁾. Из ведомости о селе Радилове 1866 года мы узнаем, что там имелось 5 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота, а высевалось обычно 10 четверт. ржи, 20—овса, 5—ячменя и 2 пшеницы, т. е. запашка и количество скота у отца писателя стали почти в два раза меньше,

¹⁾ В завещании П. Н. Мерцаловой означены в Zubовской вол., дер. Головинской 3 души м. п. и столько же душ ж. п., и в Вожегодской вол., дер. Сорочинской—3 души м. п. и 6 ж. п. с землей, строениями, хлебом и скотом.

чем были у деда в начале 19-го века. Отца в своих заметках А. Е. Мерцалов называет добродушным, воздержным и трудолюбивым человеком. Любимым его занятием было столярное ремесло, подобно тому как у дедушки—слесарное, и, вероятно, именно произведения его рук, разную мебель домашней работы, довольно искусную видел в 1910 г. в старом барском доме Радилова автор этих строк. Умер Евграф Иванович в декабре 1869 года, а Пелагея Никифоровна—в октябре 1874 г.; оба скончались в Радилове и погребены на Кихти.

Историк и археолог, Александр Евграфович Мерцалов, родился в с. Радилове 12 ноября 1847 года. Обучившись дома первоначальному чтению, письму и молитвам, он поступил в Кадниковское уездное училище, где и учился с 1859 до 1862 года. Затем он перешел в Вологодскую гимназию, курс которой кончил в 1868 году с серебряной медалью и правом на чин. Вероятно, именно влиянию средней школы обязан был А. Е. Мерцалов своим интеллектуальным развитием и пробуждением научного интереса, т. к. в школе и в городе того времени было много культурных, развитых людей, между тем как жизнь в Радилове была довольно примитивна и мало культурна. Некоторое время, именно с 1870 года до конца 1874 года Александр Евграфович служил в Вологодской гимназии помощником классного наставника, но затем вышел в отставку, женился на 18-летней Алевтине Ивановне Прозоровой и уехал в Радилово. Однако, не долго он прожил с молодой женой, устраивая свое деревенское хозяйство. Брак его совершен был в феврале 1875 года, а в сентябре 1876 года дизентерия неожиданно унесла в могилу молодую жену. Это явилось для Александра Евграфовича тяжелым ударом. Одиноким и бездетным засел он в своем Радиловском доме. Жилые, большие горницы старого дома были закрыты, жизнь хозяина переместилась в три небольшие комнаты и начала сосредоточиваться на изучении русской, особенно северной, старины и собирании памятников разного рода¹⁾. От прямого, непосредственного участия в общественной жизни А. Е. Мерцалов, повидимому, сразу отказался, замкнувшись отшельником в своем углу. Ясно поэтому, что биография его не богата событиями и не имеет иных дат, кроме дат выхода в свет его трудов.

Как велось им вначале свое хозяйство, мы не знаем, но уже в 80-х годах он пишет своим друзьям, что главным его делом является только сенокос. И по рассказам знавших А. Е. лиц так выходит, что собственно сельским хозяйством он интересовался очень мало, а по собственным его словам—„меньше всего на свете“. Он находил, что выгоднее всего эксплуатировать землю, как луг, и пустил под сенокос значительные участки, улучшая их удобрением, осушкой и подсевом клевера и тимофеевки. Время сенокоса и было для него настоящим страдным временем, не в смысле участия в физическом труде, а в смысле хозяйственных хлопот. „Последние копны на моей земле исчезли 25 июля... Ах, как я рад, как я рад, что пережил этот тягостный период“... говорит он в одном из писем 1892 г. Убрав сено, А. Е. мог возвратиться к своим пенатам, т. е. засесть снова за книги, рукописи, письма,—и снова однообразно текли дни одинокого отшельника. Для

¹⁾ Коллекция документов из его собрания напечатана в „Описании свитков Вологод. Епарх. Древнехранилища“, под редакц. И. Н. Суворова, (вып. IV, 1901 г. Вологда); документы находятся в Волог. музее иконописи и церковной старины.

скромной его жизни вполне хватало небольших доходов от имения и капитала. Человек он был хозяйственный, расчетливый и аккуратный. и жизнь любил размеренную. С годами для него своего рода событием являлся выезд в Кадников, или Вологду по делам, куда он всегда приезжал щепетильно одетый в черный сюртук современного покроя, но зато в настолько старомодных сапогах с широкими тупыми концами и высокими каблуками, что обращал на себя внимание. По внешности, судя по карточкам и рассказам, это был человек среднего роста, плотный и осанистый, с размеренными плавными движениями, с лицом открытым и добрым, обрамленным широкой густой черной бородой и баками. Глаза его смотрели ясно и вдумчиво, а манеры выражали готовность внимательно слушать собеседника, и в то же время настороженность и осторожность. Каждое свое слово А. Е. очень и очень взвешивал. Радости его сводились к радости находки какого-нибудь памятника старины, успеху его единомышленников, людей прогрессивного направления, действовавших в местной среде, в земстве, в суде и т. д. Большой поддержкой служила для него деятельная переписка с целым рядом ученых и литераторов, давая корректив трудной работе в деревенской оторванности от культурных центров и знакомя с ходом общей русской жизни. Страстно увлекаясь эпохой Смутного времени, А. Е. Мерцалов вел большую переписку со знаменитым Пирлингом, но вся эта переписка, хранившаяся в собрании местного этнографа А. А. Шустикова погибла в 1920 году во время большого пожара заречной части Вологды. С Михаилом Ивановичем Семевским он находился в деятельной переписке с 1871 года, а позже и с В. И. Семевским. В числе его корреспондентов были А. И. Поповицкий (редактор журн. „Паломник“), П. А. Гайдебуров (ред. „Недели“), Шубинский, Л. Ф. Пантелеев, Э. Г. Фальк, В. Кандинский, П. Симони, Н. П. Карбасников и почти все исследователи местного края, жившие и работавшие в его время ¹⁾.

Как ни значительна была поддержка общения с культурными деятелями, сколько радости ни доставляла, все же она не могла освободить его от того общего тяжелого морального состояния, в которое неизбежно погружался в годы реакции интеллигентный русский человек, особенно, если он был одинок и жил в глуши. „Даже в самые сушильные и свальные дни, в самый разгар уборки сена, говорит А. Е. в одном из писем, меня не покидали тяжелые мысли о положении нашей несчастной родины... Это—кошмар, давящий меня постоянно и настойчиво“. В 1895 году он получил своевременно приглашение на сельско-хозяйственный съезд в Москву, куда его очень подмывало поехать, ибо представлялась возможность обменяться мыслями с интеллигентными людьми. Однако, А. Е. не поехал. „Я предвидел, что за членами съезда будут также строго следить, как голодный волк за овцами, и потому махнул рукой... в наше беспутное время нечего надеяться отвести душу в беседах с незнакомыми людьми“, объяснял свой отказ А. Е. Мерцалов. „Если бы русское общество не было всецело охвачено реакцией, тогда не совершалось бы все, что теперь происходит. По моему глубокому убеждению, теперь русское общество

1) Лишь незначительная часть этих писем, и притом деловая, а не общего характера переписка сохранилась в архиве Об-ва Изуч. Сев. Кр.; судьба остальных писем, в том числе М. И. и В. И. Семевских неизвестна.

совершенно сбилось с пути и знать не хочет ничего кроме чисто эгоистических, утробных интересов. Это—горько, но это—несомненно так. Как нельзя изменить направления ветра, так нельзя ждать и крутых поворотов в общественных настроениях, которые также вполне стихийны. Наступила вторая в русской истории *николаевская* эпоха: этим сказано все“.

И несколько позже А. Е. опять сетует, что „нравственное состояние по прежнему тяжело... Да и может ли быть иначе?... В самом деле, я ведь—человек 60-х годов и вступал в жизнь в период обновления русского общества; затем был свидетелем, как наша жизнь, хоть спотыкаясь, но все-таки шла вперед... И вот дожился до поры, когда эта жизнь приняла гнетуще-мрачный колорит и настало какое-то угрюмое затишье. Сознание этого тяжелым камнем лежит у меня на сердце и, по всей вероятности, будет лежать так до смерти... Да, тяжело в наше беспутное время“...

Это тяжелое настроение облегчалось неутомимой работой, от которой на душе становилось светлее и свежее. А работы было много; сведущий, добросовестный работник был нужен многим, и многие к нему потянулись. Едет из Петербурга кто-нибудь командированный географическим обществом для собирания этнографических и иных сведений по Кадниковскому уезду, как не побывать у Мерцалова, у которого можно и интересные документы найти, и песни записать. Студенты-ли сельско-хозяйственного института собирают образцы почв, и они не минуют Радилова. П. К. Симони, по поручению академика А. А. Шахматова, шлет А. Е. Мерцалову программы для собирания особенностей северо-русских наречий¹⁾, или по поручению акад. А. Н. Веселовского просит сказать, не слышно ли чего в наших краях о волотах, или велетах, как о народе гиганте в противоположность пжижикам, и о борьбе двух рас, великанов и карликов. От разных лиц, из разных мест собирает А. Е. Мерцалов всевозможные памятники прошлого, любовно относясь к родной старине, а приблизительно с 1897 г. делается и сотрудником Этнографического Бюро кн. Тенишева. И, если вспомнить, что он жил в маленьком сельце, верстах в 15-ти от с. Устья на Кубенском озере, что почта туда, особенно книжные посылки, ходила редко и над доставкой нужного литературного материала приходилось ломать голову, невольно задумаешься над тем, сколько нужно было любви к своему делу, веры в него и душевной бодрости, чтобы не опуститься, не измельчать душевно в своем одиночестве среди довольно грубой и прозаической жизни провинциального угла.

Работу свою в области местной истории А. Е. Мерцалов начал собственно еще в 1874 году, когда в журнале „Русская Старина“ (№ 9, 184—185 стр.) появилась его заметка о пребывании Иоанна Грозного в Вологде 1536—1566 г.г. Затем, тот-же журнал поместил в 1877 г. любопытную статью его о ссылке Георгия Дашкова на Каменный остров, с интересным материалом для истории быта и нравов, а в 1883 году—„Архиепископ Ириней Несторович в ссылке“. Между же 1877 и 1883 г.г. Мерцалов обработал и опубликовал целый ряд доку-

1) См. Шахматов А. А. Материалы для изуч. великорусских говоров. № 25. А. Е. Мерцалов (Кадн. у. Волог. губ.). Изв. Отд. Р. Я. И. А. К. I т. (1896 г.) кн. IV и отд. вып. III (№ 25—28) СПб. 1896 г.

ментов, касающихся жизни Севера в 17-м веке. Чрезвычайно добросовестно, с большой научной честностью подходил А. Е. Мерцалов к каждому документу, тщательно выясняя его научную ценность и вступая по этому поводу в переписку со знатоками данного вопроса. Поэтому и к материалам им опубликованным можно относиться с доверием. Очень ценны по сообщаемому материалу и по обработке его историко-экономические очерки гор. Вологды и гор. В.-Устюга в первой четверти 17-го века, составленные, первый—по писцовой книге 1627 года, письма и меры кн. Ивана Мещерского, а второй—по сотной книге 1630 года, письма и меры Никиты Вышеславцева.

Значительный интерес представляет собою и сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от 1628 до 1883 года, и было-бы очень полезно продолжение такой работы по данной общине до переписи 1920 года, чтобы проследить судьбы землевладения на территории одной хозяйственной единицы. Обзорение по писцовой книге 1628 г. было составлено Мерцаловым для Заднесельской волости, в отношении которой интересно было-бы сравнение с позднейшими данными. Конечно, такому пристальному изучению А. Е. Мерцалов подверг общину, на территории которой он сам жил; для него было характерным это изучение окружающей жизни, языка, быта, верований. Иначе с его пытливым практическим умом, любознательностью и любовью к родному краю и жить было нельзя.

Значительная часть материалов, относящихся к истории севера, была любовно им подобрана в книжке „Вологодская Старина“, ставшей теперь, к сожалению, библиографической редкостью. Однако, издавно и горячо А. Е. Мерцалов более всего увлекался эпохой Смутного времени, тщательно изучая этот интереснейший период русской истории по источникам и следя за литературой предмета. Именно этому периоду оказался посвященным и наиболее солидным труд историка—„Очерки из истории Смутного времени“, изданные Л. Ф. Пантелеевым в 1895 году отдельной книжкой. Отдельные части этой книги, в виде статей были напечатаны в Историческом Вестнике. Нашей задачи не составляет критический разбор отдельных работ А. Е. Мерцалова, но необходимо отметить, что по собственным словам автора очерков „это—не исследование, а общедоступный свод событий, однако освещенных не всегда по обычному шаблону“. Добросовестное изучение источников и попытка самостоятельно подойти к разрешению того или другого вопроса, связанные с ясным изложением и прекрасным литературным языком во всяком случае делали „очерки“ заслуживающими полного внимания. Самостоятельность мысли А. Е. Мерцалова выразилась в том, что он умел подойти к вопросам задаваемым историку эпохой Смутного времени не только с точки зрения политических, или династических интересов того времени, а учитывая социально-экономические условия эпохи, и в них усматривая ключ к решению многих вопросов. Это несомненно обнаруживало в нем тонкость и самостоятельность мысли, а также и большую чуткость к новым направлениям научного исторического знания.

Не без терний для автора выходили в свет работы связанные со Смутным временем. Так, еще в 1880 году А. Е. Мерцалов послал Н. П. Карбасникову одну из своих рукописей об этой эпохе для печатания,

но получил ответ, что рукопись председателем цензурн. комитета запрещена к печати и препровождена в Главн. упр. по делам печати. Карбасников же частным образом узнал, что мотивом к запрещению послужило распоряжение министра—запрещать к печати всякую книгу, напоминающую о смутном времени. Да и в 1896 году по поводу одной из своих статей он получил от редакции „Русск. Мысли“ лаконический ответ: „Вашу статью, к сожалению, нельзя напечатать по цензурным условиям“.

Закончивши все предположенные им очерки Смутного времени, А. Е. Мерцалов начал писать „Записки о своей жизни“; об этом труде он сам сообщал в письмах Д. И. Прозорову 1894 и след. годов. Однако, написаны-ли были им эти „Записки“ и, если написаны, то какова их судьба, ничего не известно. А какой-бы это был богатый материал, и как жаль, если он утерян безвозвратно!

Последние написанные им работы относятся к 1903 году, когда уже начали проявляться признаки недомоганья, омрачившего конец его жизни. Года за полтора, за два до смерти, А. Е. Мерцалова постиг паралич, лишивший его ног, а затем началось медленное угасание, приведшее к смерти 6 мая 1906 года. Погребен А. Е. Мерцалов на кладбище Георгиевской Заднесельской церкви.

Заботливый и аккуратный во всех делах, А. Е. распорядился еще в 1903 году о передаче после его смерти библиотеки—в Вологод. Епарх. Древнехранилище ¹⁾, архива и переписки—Волог. Об-ву Изуч. Сев. Края, а Радилово, по его распоряжению, перешло к брату его покойной жены, Д. И. Прозорову. Последним оно было продано в 1914 году местным крестьянам.

Памяти А. Е. Мерцалова посвящено училище в с. Заднем, устроенное из каменного здания бывшей мельницы купца Васильева, перешедшей в собственность Мерцалова по закладной, и увеличенное пристройкой второго деревянного этажа. Имелась в быв. мужской Волог. гимназии и стипендия его имени, образованная на внесенный им небольшой капитал, около 2 тыс. рублей.

Заканчивая заметку, надеемся, что недочеты и неполнота будут исправлены живущими еще друзьями покойного историка, которых и просим имеющийся к биографии А. Е. Мерцалова материал и замечания по поводу настоящей заметки направлять Вологодскому Об-ву Изучения Сев. Края.

¹⁾ Оттуда книги переданы в Волог. Публ. Библиотеку.

Список произведений А. Е. Мерцалова.

- 1874 г. Иоанн Грозный в Вологде 1536—1566. (Песни выписанные А. Е. Мерцаловым из рукописного сборника). Рус. Ст. 1874 г. № 9 (184—185 с.).
- 1877 г. Георгий Дашков в ссылке на Каменном острове. Рус. Ст. 1877 г. XX т., № 11.
- 1880 г. Письмо крестьянина к своему помещику в 1776 году. Ibid, 1880 г., 29 т., № 9.
- Черта к характеристике отношений помещиков к крестьянам. Ibid, 29 т., № 9.
- 1881 г. Челобитная Вологод. помещика Феодора Ларионова Долгого о государевом жалованьи за рану в бою под Дубровною. Ист. Вестн., 1881 г.; V т., № 8.
- Грамота царя Феодора Алексеевича Чаронскому воеводе Данилову 1679 года, о розыске беглой крестьянки Аграфенки. Ibid., VI т., № 10.
- 1882 г. На Руси в 1612 году. Сильвестра, архиепископа Волог. и Велико-Пермского, отписка московским боярам и воеводам, посланная 29 сент. 1612 г. Рус. Ст. 1882 г., 36 т. № 12.
- 1883 г. Отъезд архиепископа Ириней из Вологды 25 мая 1848 г. Ibid., 1883 г. № 1.
- Указ 1749 г. о розыске сбежавшего игумена Боголюбского и Покровского монастырей, Иннокентия, из епархии преосв. Платона (Левшина), еп. Владимирского и Ярославского. Ibid, 1883 г., т. 39, № 8.
 - „ Указ 1760 года об отдаче на откуп купцу Денисову конских и с рыбных ловель сборов в г. Вологде и его уезде. Ibid. т. 39.
 - „ Наказание за святотатство и оскорбление священника в 1757 г. Ibid.
 - „ Челобитная 1673 года. Ibid.
 - „ Променная запись 1683 года. Ibid.
 - „ Предание о панах. Ibid., т. 39, № 9.
 - „ Архиепископ Ириней Несторович в ссылке. Рус. Ст. 1883 г., т. 37.
 - „ Поправки к этой статье. Рус. Ст. 1888 г., т. 57.
- 1884 г. Перечень документов, относящихся к гор. Вологде с уездом и вообще к вологод. краю, хранящихся в Московском Архиве Мин-ва Юстиции. Извлечено из книги: описание документов, хранящихся в Моск. Арх. Мин-ва Юст. В. Г. В., 1884 г., № 14, 15, 16.
- „⁴ Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от составления писцовой книги 7136 (1628 г.) письма и меры Федора Вельяминова-Воронцова да дьяка Савина Завесина, до настоящего времени (1628—1883 г.). В. Г. В. 1884 г. № 17 и 18, и в IV т. Вологод. Сборн. 1885 г.

- 1885 г. Очерк г. Вологды по писцовой книге 7135 (1627) года, письма и меры кн. Ивана Мещерского да подъячего Федора Стогова. В. Г. В., 1885, № 1, 3, 4, 5, в V т. Волог. Сборн., 1887 г. и отдельно под заглавием: „Очерк г. Вологды по писцовой книге 1627 г. Истор. исследов. Вологда, 1885 г. 50 экз.
- 1885 г. Обзорение Заднесельской волости. Составлено по писцовой книге 7136 года (1628) Волог. уезда, Заозерской половины, письма и меры П. Вельяминова-Воронцова да дьяка С. Завесина. В. Г. В., 1885, № 6, 8, 9 и в V т. Вологод. Сборн. 1887 г.
- Панский наезд. (Из народных преданий о смутном времени в Волог. крае). В. Г. В., 1885 г. № 19, 20 и в V т. Вологод. Сборн., 1887 г.
 - Устюг Великий в первой четверти XVII века. Историко-эконом. очерк. Составлено по сотной книге гор. Устюга Вел., письма и меры Никиты Вышеславцева да подъячего Агея Федорова 7138 (1630) года. В. Г. В., 1885 г., № 23, 27, 31, 32, 33, 34 и в V т. Волог. Сборн. 1887 г. стр. 125—168, сборн. „Волог. Стар.“, изд. Пантелеева, 1889 г., стр. 72—104.
 - Как отражалось „литовское разорение“ на крестьянском быте того времени. В. Г. В., 1885 г., № 39 и в V т. Волог. Сборн. 1887 г.
 - Из домашнего архива Нееловых. (I. Письма служилого человека 1732 г. II. Резолюция одного из архиереев 1758 г. III. Челобитная 1760 г.). Рус. Стар. 1885 г., т. 48, № 10.
- 1887 г. К родословной Еропкиных. Рус. Ст. 1887 г., № 8.
- 1888 г. Монастыри-колонизаторы. В „Вологод. Старине“, изд. Л. Ф. Пантелеева, СПб, 1889 г.
- 1889 г. Вологодская старина. Материалы для истории Сев. России. СПб. 1889 г.
- 1892 г. Какую роль играл Григорий Отрепьев в самозванческой интриге? Ист. Вестн., 1892 г. кн 2.
- „Первый Лжедмитрий. Ист. Вестн., 1892 г., № 2.
 - Экскурсия в эпоху Смутного времени. Ист. Вестн., 1892 г., № 12.
- 1893 г. Борис Годунов 1584—1605 г. Опыт характеристики. Истор. Вестн. 1893 г., № 11 и 12, в измененной и дополненной редакции см. в „Очерках Смутного времени“, стр. 13—79.
- 1895 г. Очерки из истории Смутного времени. СПб, 1895 г.
- Соловецкий монастырь как сосед Швеции (1571—1790 г.). Русск. паломник, 1895 г. 48, 49 и 50.
- 1896—7 г. Работы по поручению Этнографического Бюро кн. В. И. Тенишева: „Суд и расправа“, „состав семьи, прием и усыновление“, „выдел и раздел“ „завещание“ и друг.
- Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. № 25. А. Е. Мерцалов. (Кадников. у., Волог. губ.). Изв. Отд.

Библиографические указания.

- Проф. С. Венеров.* Источники словаря русских писателей, т. IV, стр. 276. Межов. Библиография (указ.) Ламбины. Библиография (указ.). Иконников. Историография. (Указ.).
- П. А. Дилакторский.* Опыт указателя литературы по Сев. Краю с 1766 до 1904 года. Вологда, 1921 г.
- П. А. Дилакторский.* Вологжане-писатели. Вологда, 1900 г.
- М. Н. Швецов.* Из прошлого. Истор.-литер. очерки. Вологда, 1913 г.

Сокращения: В. Г. В.—Вологод. Губ. Ведом.
